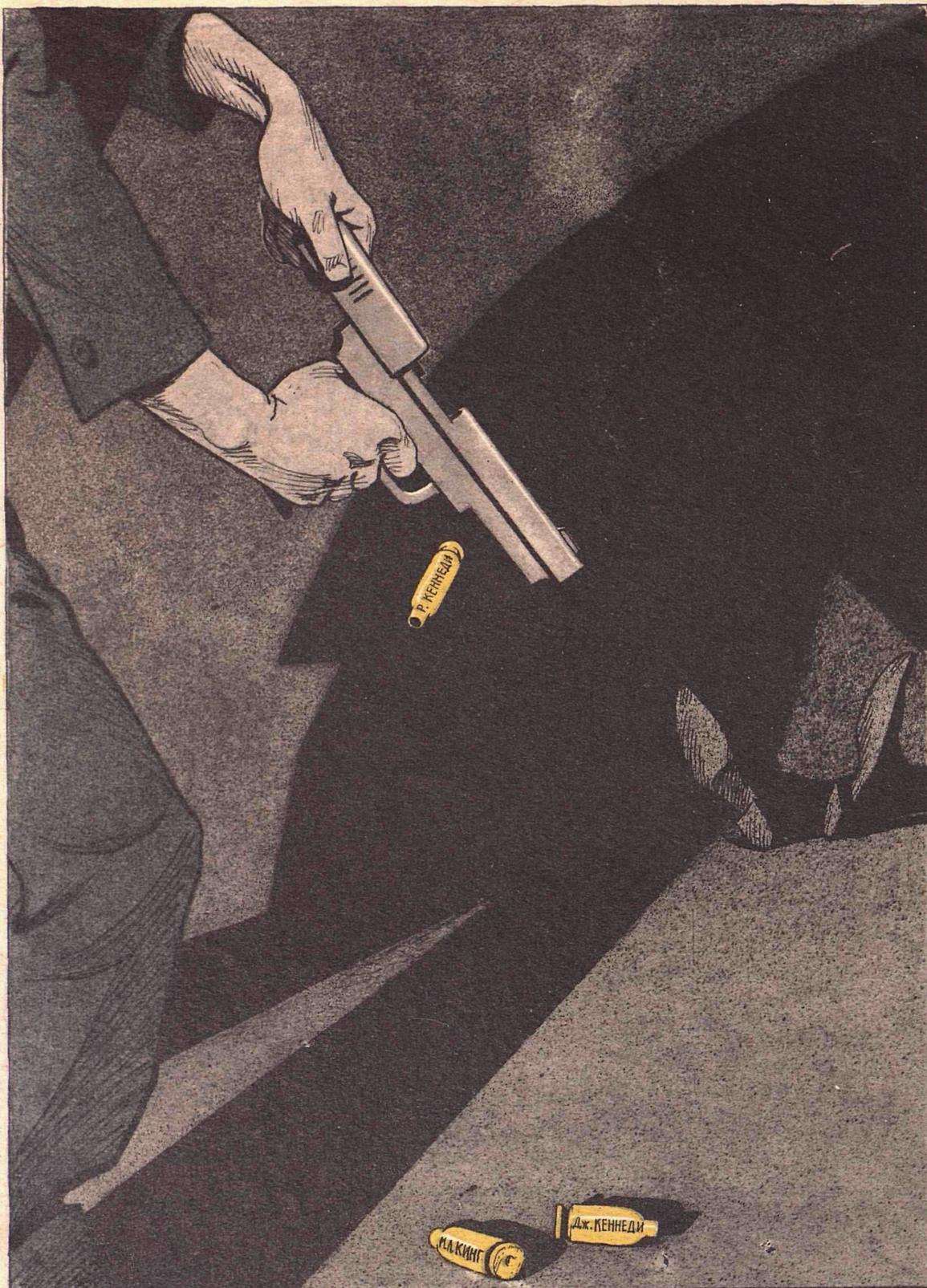

ОТКИДНОЕ МЕСТО

Рисунок И. СЕМЕНОВА

ИЗ ОДНОЙ ОБОЙМЫ

Рисунок А. КРЫЛОВА

Так уж печально сложились обстоятельства, что развитие стрелкового спорта в США приняло несколько однобокий характер. Снайперы с богатым уголовным прошлым или без оного предпочитают крупные мишени. Я бы сказал, самые крупные, какие только возможны в этой стране. Впрочем, судите сами:
 1865 год — убит президент Авраам Линкольн.
 1901 год — убит президент Уильям Мак-Кинли.
 1912 год — тяжело ранен президент Теодор Рузвельт.
 1933 год — покушение на президента Франклина Рузвельта.
 1950 год — покушение на президента Трумэна.
 1963 год — убит президент Джон Кеннеди.
 1968 год — убит сенатор и кандидат в президенты США Роберт Кеннеди.

В этот грустный список не вошли десятки, сотни других общественных деятелей, в том числе убитый недавно видный лидер негритянского движения пастор Мартин Лютер Кинг. Создается впечатление, что занять сколько-нибудь заметное общественное положение в современной Америке и позволить себе высказать при этом более или менее здравые мысли равносильно странному желанию занять место в тире по ту сторону огневого барьера. К тому же в тире, где стрелки освобождены от соблюдения любых правил и норм.

Каждый знает, что под упражнения в стрельбе отводятся специальные места — тир, стрельбища и полигоны, а сами стрельбы обставляются так, чтобы исключить малейшую опасность для окружающих. В Америке дело обстоит иначе. Охотники до поражения мишеней в самое «яблочко» появляются всюду:

палец

на многолюдных уличных перекрестках, в театральных залах, у церковных или школьных входов, на предвыборных митингах и пресс-конференциях. Они мало смущаются тем, что вместе с «мишенью» может рухнуть на землю оказавшийся рядом репортер или просто случайный зритель. Была бы жертва, а пуля для нее найдется.

Иногда, впрочем, отстрел ведется беспорядочно, без заранее обдуманного плана. В Остине (штат Техас) некий разочаровавшийся в согражданах субъект забрался на университетскую башню и стал оттуда подбивать их, как озорники-мальчишки подбивают воробьев из рогаток. Но у маньяка была не рогатка, а современная винтовка и солидный запас патронов. Местный госпиталь за один день превысил обычную среднемесячную норму приема раненых.

Но главная охота ведется не за ними, случайными прохожими, а за лицами, которые пытаются отстаивать собственную точку зрения и которых нужно убедить, что эта точка зрения ошибочна. Средства убеждения те же — пистолет и винтовка с оптическим прицелом.

— Мой босс с тобой не согласен, и потому получи пулю в лоб!

— Шеф сказал, что ему не нравится твоя болтовня в газетах. Так как я привык верить шефу, то сейчас сверну тебе шею!

— То, что ты проповедуешь, нам определенно не подходит. Поэтому отправляйся-ка лучше вместе со своей проповедью к прабабушке!

Так выглядит словесное обрамление каждого выстрела, если оно, конечно, при этом имеет место.

Когда оцениваешь обстановку в чужой стране, всегда считаешься с опасностью преувеличения. Вот описал я сейчас возможные объяснения стрелка с очередной жертвой и засомневался. Полно, а не преувеличиваю ли я? Возможен ли такой цинизм, такое обнаженное стремление пролить кровь? Ведь дело касается убеждений, идей, мыслей, где, казалось бы, нет места насилию! Но мои сомнения рассеивают сами американцы.

Артур Шлезингер, историк, бывший помощник покойного президента Джона Кеннеди:

— Мы народ, склонный к насилию, имеющий историю, полную насилий, и инстинктивное стремление к насильственным действиям проникло в плоть и кровь нашей национальной жизни.

Альберт Бандура, психолог, профессор Стэнфордского университета:

— Весь уклад жизни превратил эту болезнь насилия в хладнокровное, невинное, обычное дело. От проблем избавляются посредством избавления от людей, которые выдвигают эти проблемы.

Дэвид Абрахамсен, управляющий Лембергским центром изучения насильственных действий:

— Мы любим драться. Во Франции могут бунтовать три недели, а убитыми оказываются всего два

Михаил ВЛАДИМОВ

УТЕШИТЕЛЬНАЯ ИГРА

В западных странах (в том числе и в ФРГ) появилась новая настольная игра под названием «Сталинград». Игровая доска представляет собой карту СССР. По условиям игры ее участники могут повести фашистские армии на Восток и даже... добиться военного успеха.

На доску бросил взгляд
 Согбенный генерал,
 Увидел Сталинград,
 И Волгу, и Урал.
 И немочь превозмог,
 Захваченный игрой,
 И двинул на Восток
 Картонных фишек строй...

Азарт гудит в груди:
 — Прорыв!
 — Обход!
 — Охват!

Вот Волга позади,
 И взял он Сталинград...
 Вот он в снегах тайги
 И на хребте Саян,
 Вот лижет сапоги
 Ему сам океан!

Но тут очнулся вдруг
 Согбенный генерал:
 Он выиграл игру,
 Войну ж он проиграл.

человека. Можете ли вы представить себе, сколько было бы в таком случае убито здесь?

Короче говоря, как бы я ни заострял сатирическое перо в резкости оценок, самих американских публицистов мне не превзойти. Вот как, например, кратко и образно выразился один из общественных деятелей США, Рэп Браун:

— Насилие — такое же типично американское явление, как и яблочный пирог.

Остается только добавить, что как у нас ни одна семья не обходится без отварной картошки и наваристых щей, так и в Америке обед не считается обедом, если к столу не подан пирог с яблоками.

Но пироги пирогами, а люди людьми. Под пулями «Винчестеров», «Ремингтонов», «Смит и Вессонов» люди гибнут, как на войне. Впрочем, что же я снова преуменьшаю! Официально подсчитано, что с начала нынешнего столетия в порядке, так сказать, частного предпринимательства застрелено 750 тысяч американцев. То есть гораздо больше, чем потеряли США во всех войнах, в которых они участвовали. Такова страшная производительность огромного полигона, именуемого Соединенными Штатами Америки, страны, олицетворяющей западную демократию, слышащей образцом буржуазных свобод!

Убийство Роберта Кеннеди, разделившего трагическую участь своего брата, повергло Америку в леденящий душу ужас. Культ жестокости, насилия и бесчеловечности еще раз предстал перед американским народом во всем своем отвратительном облике. «Это безумие! — воскликнул сенатор Джозеф Тайдингс. — Я полагаю, что нам следует прийти в себя».

Кажется, сейчас в США появилось достаточно мно-

го людей, готовых «прийти в себя». Сенаторы, государственные чиновники, юристы, социологи, журналисты горячо обсуждают как обстоятельства, связанные с гибелью Роберта Кеннеди, так и причины, породившие в стране разгул терроризма. Президент Джонсон спешно создал комиссию по изучению насильственных действий. По его словам, работа комиссии будет иметь большое международное значение. Если учесть, что в США ежегодно гибнет от огнестрельных ран 6 500 человек, тогда как в Японии — только 37, в Англии — 30, во Франции — менее 20, то выводы и рекомендации комиссии в случае ее успеха окажутся более полезными и необходимыми для самих США, чем для других стран. Однако надежд на успех мало. Ведь это не первая комиссия, которую создает президент США. Все они с помпой рождаются и без шума сходят со сцены.

Президент также приказал усилить охрану кандидатов в президенты. Но эта мера может лишь вызвать саркастическую улыбку у заправил трестов и картелей, специализировавшихся на политических убийствах.

Еще практические шаги? Пожалуйста: в то время когда Генеральная Ассамблея ООН подавляющим большинством одобрила договор о нераспространении ядерного оружия, конгресс США отверг законопроект о контроле за распространением винтовок, револьверов и охотничьих ружей.

Согласитесь, что этих мер не совсем достаточно, чтобы устранить с политической арены людей, протестующих против агрессии во Вьетнаме, расовой дискриминации, растущей бедности и бесправия граждан самой богатой страны капиталистического мира, перестало быть обычной нормой.

А пока 200 миллионов револьверов, автоматов, винтовок и пулеметов находится в частном пользовании американских граждан. Но ведь еще А. П. Чехов, объясняя законы драматургии, говорил: «Если у вас в первом действии на сцене висит ружье, то в третьем оно должно выстрелить». Драматургия, как и всякое искусство, идет от жизни. И хотя у жизни несколько иные законы, чем у драматургии, оружие, которое не висит в гостиной на ранчо или хранится в шкафу городской квартиры, рано или поздно стреляет.

Я допускаю, может найтись горячая голова, которая предложит президенту Джонсону и конгрессу США провести всеобщее разоружение. Но вряд ли они возьмутся за осуществление столь громоздкого мероприятия, в котором шансы на успех равны нулю. Да дело и не в этом. Если в стране царит беззаконие и разбой, если любого гражданина могут безнаказанно послать на гибель во имя чьих-то корыстных интересов, если высшим правом в обществе провозглашается право силы, то рука невольно тянется к трехствольному ружью, у которого один ствол нарезной, стреляющий разрывными пулями.

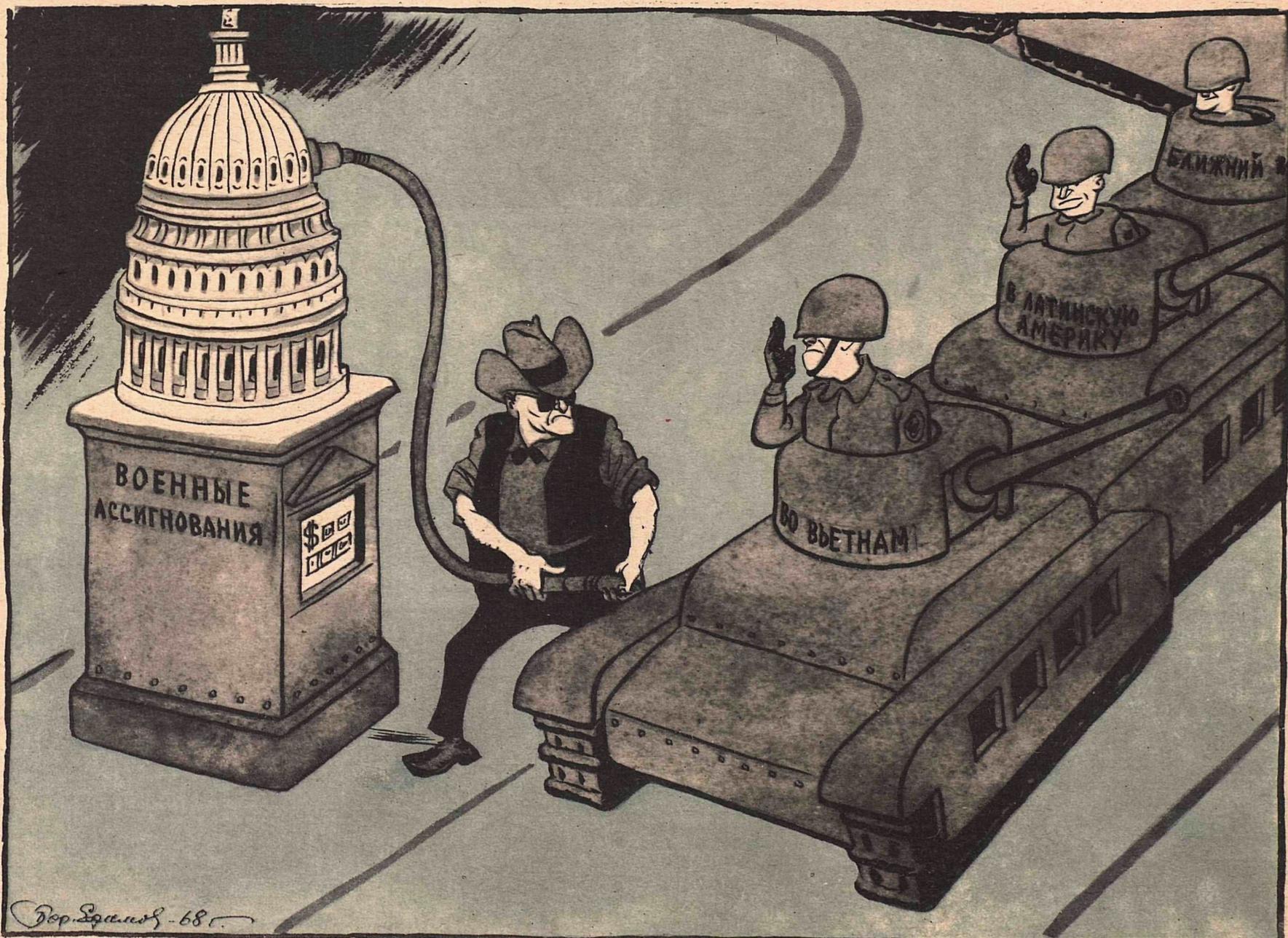
Через каждые тридцать минут в Америке раздается выстрел, и окровавленный человек падает на землю. Каждые тридцать минут — выстрел! Палец нынешней Америки всегда находится на спусковом крючке.

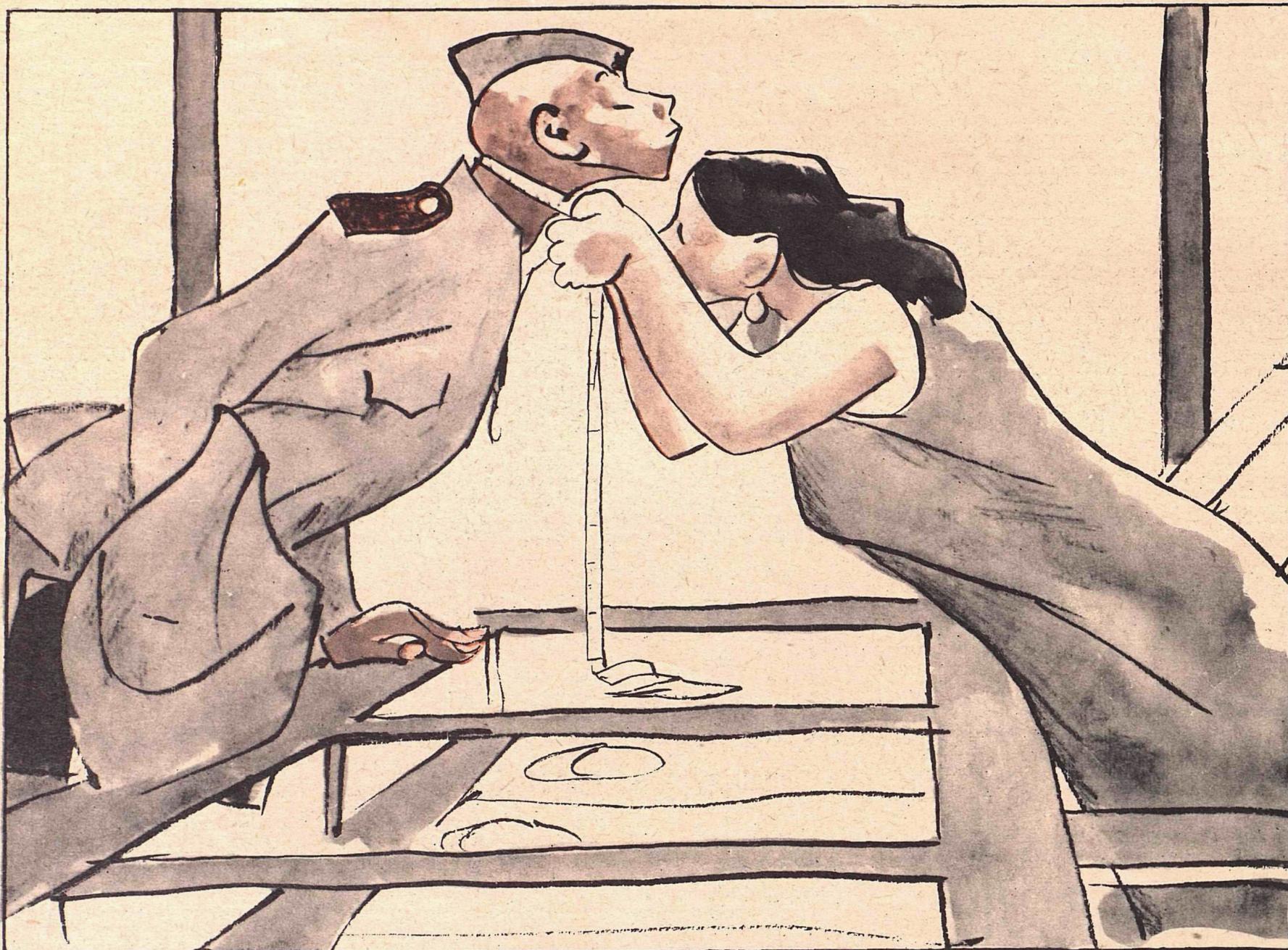
Правда, рука, сжимающая многозарядный револьвер или ложу автоматической винтовки, иногда и расслабляется...

Чтобы чиркнуть зажигалкой или поднять рюмку виски.

М. СЕМЕНОВ

на спусковом крючке

— Пожалуйста, один штатский наряд вне очереди...

Рисунок Л. СОЙФЕРТИСА

— Тише,— шепотом предупреждала секретарша.— Николай Васильевич думает.

Перед Николаем Васильевичем стоял термос с кипятком и растворимый кофе бразильского производства. Похолодевшими пальцами сжимал он натруженные виски. Было от чего сжимать! На Тюменский деревообрабатывающий комбинат прибывал министр. Это событие имело к Николаю Васильевичу Мирошину довольно близкое отношение, как к директору означенного предприятия.

По натуре своей директор был человеком гостеприимным. Министра ему хотелось встретить торжественно. «Пальм не хватает!»— сокрушался директор.— Ах ты, господи!»

Потом Николай Васильевич шагал по цехам и ронял указания. Оказывается, не хватало не только пальм. Кругом было обыденно и серо. Работали станки, дымили трубы, ездили туда-сюда грузовики. Лежали доски. Словом, никакой торжественности. Суровые будни. Нехорошо стало директору. Захотелось принимать меры.

К полудню директор прибыл в цех древесностружечных плит. У входа он остановился и некоторое время повышал бдительность. Он знал, что сюда уж министр непременно заглянет. Как бы не пропустить чего!

Едва войдя, он вытянул мизинец и провел им по станине.

— Что это?— поинтересовался он у начальника цеха Гавырина.

— Пыль, Николай Васильевич,— ответил тот.— Древесная. Побочный продукт, так сказать.

Через несколько шагов Мирошин снова вытя-

ПЫЛЬ В ГЛАЗА

нул мизинец и снова провел им по станине, на этот раз по другой.

— А это что?

— Это?— Начальник цеха пригляделся.— Это тоже пыль. Она всюду здесь. У нас, понимаете, такое производство.

После этого директор трогал пальцами разные штуки. Потом дегустировал воздух.

— Нет,— произнес он,— не то. Малопроднично. Придется генеральную уборку делать. Чтобы все блестело.

— Но для этого надо останавливать цех. А у нас непрерывное производство.

— Прервите,— просто сказал директор.— Профилактику устройте.

— Профилактика была неделю назад. Теперь только в следующем месяце.

Тогда Николай Васильевич взял начальника цеха за локоть и отвел его в сторону.

— Голубчик,— ласково сказал он,— к нам министр приезжает.

— Но я не могу остановить цех. У меня план. И потом в цехе нормальная рабочая обстановка. Пусть товарищ министр видит все как есть.

Николай Васильевич снисходительно покачал головой.

— Молодо-зелено...— тихо сказал он.— Кстати, мы ведь и так ох как скромны. Пальму бы нам сюда! Ковровую дорожку! Бюст мыслителя Вольтера!— Директор мечтательно вздохнул.— Так вы

меня поняли? В вашем распоряжении почти сутки. Работы все остановить, народ мобилизовать.

Через час могучие пылающие печи были усмиренны и тихо погасли. Конвейер вздрогнул и остановился. Удивленно замерли мощные машины.

— В чем дело?— пожимали плечами рабочие. Это были тонкие знатоки своего древесного дела.

— Нате,— отвечали знатокам и вручали им ведра с вениками.— Шуруйте, милые.

Шуровали всей бригадой до восьми вечера. В восемь вечера покушали и принялись опять шуровать. В полночь пришла другая бригада. И тоже шуровала. До восьми утра. Сам начальник Гавырин расхаживал между затихшими машинами с влажной тряпочкой в руках. К утру цех напоминал музей изобразительных искусств.

На другой день вновь пылали печи, громыли машины, а министр все не ехал да не ехал. На сверкающие чистотой станины нежно ложилась малосознательная древесная пыль. Директору Мирошину виделись кошмары.

Министр появился лишь на следующий день, когда цех принял свой привычный рабочий вид. Но министр не стал вытягивать мизинец и проводить им по поверхностям. Он знал производство, и отсутствие парадного блеска не удивило его.

Когда высокий гость удалился, начальник цеха Гавырин подошел к конвейеру и вывел пальцем на пыльной жести цифру: «6 000». Во столько рублей обошлось государству двухсменное шурование тряпочками да вениками.

Р. КИРЕЕВ,
специальный корреспондент Крокодила
г. Тюмень.

БЕЗ БУЛЬДОЗЕРА — ТРУБА!

Кочегар Ногликского аэропорта Мошкин приметил сиротливо стоявший невдалеке от посадочной полосы трактор-бульдозер «С-100».

Усевшись за руль, Мошкин с грохотом помчался к реке Тыми, где ловко прихватил предназначенные на дрова бревна и поволок

их к жилищу того частного лица, которое обещало ему, Мошкину, приличное вознаграждение.

Но тут работники Ногликского райотдела милиции узрели трактор и прожигающего на нем жизнь Мошкина. Агрегат был доставлен в райотдел. К виновнику были приняты ме-

ры воздействия, а трактор остался стоять у милицейского входа.

День прошел, второй, неделя прошла, вторая. Ждет милиция, пока объявятся владельцы.

Но не объявлялись владельцы. Пришлось прибегнуть к их розыску.

Представитель Охинской геологоразведочной конторы, коей принадлежит трактор, появился в Ногликской

милиции только через две недели после телефонного звонка.

— Это ваш трактор? — спросили милиционеры.

— Наш! — горячо откликнулся представитель. — Он нам во как нужен! Без бульдозера геологу — труба!

— Ладно, оставьте доверенность на его получение и забирайте свою машину.

— А что, разве нужна

доверенность? Эх, формализм, формализм! Ладно, минутку!..

И представитель скрылся. На два с половиной месяца. И трактор, целехонкий и исправный, грустно стоял у входа в райотдел. Ждал, пока геологи соберутся написать трехстрочную бумажку.

Б. Г.

Сахалинская область.

ВИЛЫ В БОК!

Зубы болят

С Костей Ломакиным, старым приятелем по институту, мы неожиданно встретились на Плехановской, возле областной стоматологической поликлиники.

— И здесь выходной, — сказал он, показывая на дверь. — Четыре поликлиники обошел, и везде хоть зубы на полку...

— Шалфей пробовал? — спросил я. — А еще анальгин хорошо помогает. Положишь кусочек на больной зуб — и как рукой... Пошли в аптеку.

Ближайшая аптека встретила нас могильной тишиной и красноречивым объявлением: «Наша аптека перешла на пятидневную рабочую неделю».

— Слушай, Костя, — нерешительно сказал я. — Есть одно народное средство. Баня. Попарься вдосталь — как рукой снимет.

Ближайшая баня находилась на улице Димитрова, 54. Но мы зря стучались во все двери. Здесь было пусто и тихо. Как выяснилось, баня тоже работала пять дней в неделю.

— Вот тебе и народное средство! — прошипел Костя, хватаясь за щеку двумя руками.

— У меня есть анальгин, — сказал я. — Дома.

...Еще издали я увидел неосвещенные окна своей квартиры и сразу догадался, что жены нет. И ключа не было. Вместо него в двери торчала записка: «Мы с Ленкой и Вовиком ушли в кино».

— Какое кино?! — закричал Костя. — Ты же обещал анальгин!

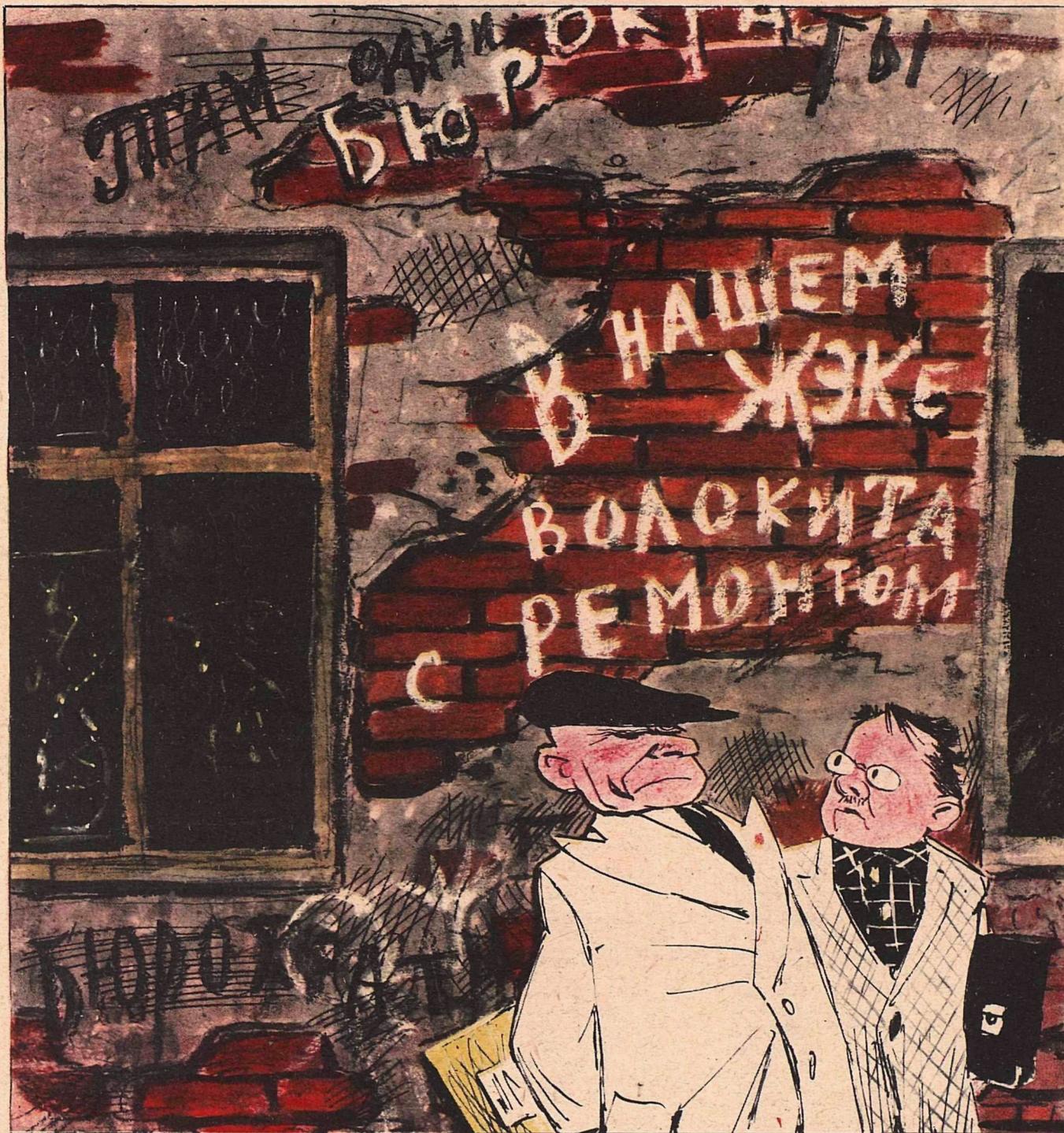
— Обещал, — грустно ответил я. — Но дело в том, что они перешли на пятидневку. Надо заказать второй ключ.

— Кто перешел на пятидневку?!

— Детский сад № 101 по улице XX-летия Октября. Они там сказали, что ни за что не пойдут на поводу у родителей, и вернули нам на субботу Ленку и Вовика.

А. КАРНОВ

г. Воронеж.

— Вот теперь, пожалуй, придется браться за ремонт!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

ЗЕЛЕНЬКИЙ СКРОМНЫЙ ПЛАТОЧЕК

Дорогой Крокодил!

Побывала я в Москве, а когда вернулась домой, то заболела странной болезнью: лицо мое и шея покрылись сочным зеленым цветом.

Пришла к врачу, а он говорит: — Сполосните в теплой воде, и все пройдет.

— Лицо? — спрашиваю.

— Платок, — отвечает врач. — Это от него вы стали зеленой.

Действительно, во всем виноват

был капроновый платок, который я купила в Москве за 7 рублей 90 копеек (производство Московской фабрики художественной росписи тканей № 9).

Постирала я его несколько раз, а он опять пачкается, да еще как! Направила я его тогда на фабрику, попросила разобраться.

И тотчас же были приняты срочные меры: через три месяца после моего второго напоминания фабрика известила, что платок находится на

складе готовых изделий. И что в настоящее время склад закрыт на учет, но после открытия склада платок будет немедленно выслан в мой адрес.

Письмо заканчивалось обнадеживающей фразой: «Не беспокойтесь!», — после чего следовала подпись товароведа Григорьевой.

И я не стала беспокоиться, а стала ждать. Уже осень прошла, а за ней зима. Теперь вот уже и лето наступило. А я жду. И совсем не беспокоюсь. Ничуть.

Д. ВЕТШЕВА

г. Томск.

ПОЧЕМУ ОНИ УХОДЯТ?

Все происходило, как в определенном виде очерках. Там, припоминаете, приходит автор к передовику производства и интересуется: «Как это вам удалось добиться таких выдающихся успехов в труде и общественной жизни?» А тот, потупя взор, с величайшей скромностью отвечает: «Да чего уж там о себе рассказывать... Так же на моем месте действовал бы любой простой советский человек...»

Этот приятный во всех отношениях диалог дает впоследствии автору прекрасную возможность посвятить первую половину очерка описанию необыкновенной скромности славного труженика.

Вот точно так же и я, приехав в город Минск, обратился к директору автоколонны 2411 автобусного парка А. И. Сороке:

— Расскажите, Анатолий Иосифович, как это вам удалось добиться таких высоких показателей?

И Анатолий Иосифович, как по писаному, покраснел, потупил взор:

— Да чего уж там о себе рассказывать... Стараюсь вот... Требую... Жму, так сказать...

Мне ничего не оставалось, как позавидовать опыту коллег-очеркистов, которые в подобных ситуациях обращаются за помощью к людям, окружающим героя. От них я и узнал, как А. И. Сорока сумел добиться тех высоких показателей, которыми я заинтересовался.

О показателях этих красноречиво говорит официальная справка: в прошлом году текучесть кадров в автоколонне составила 35,5 процента. Причем цифра эта, выражаясь языком экономистов, имеет тенденцию к ежегодному систематическому росту. Иначе говоря, в течение года из хозяйства ушел каждый третий работник. Таким образом, Сорока надеется, что через два года сумеет добиться полной смены всего личного состава.

За каких-нибудь три года под твердым руководством товарища Сороки в автоколонне сменились два главных инженера, два начальника снабжения, главбух, а начальники обоих отрядов менялись по три раза.

И как бы ни давила директора личная скромность, а опыт его достоин изучения.

— Как же все-таки, Анатолий Иосифович, вам удалось добиться, что люди в массовом порядке собственные желания изъявляют? — с репортерской настойчивостью не отступал я.

— Тут главное, — делится директор, — спуску не давать. Ни в чем, никому!

Следует признать, что слова руководителя не расходятся с делом.

За первые четыре месяца этого года ста одному работнику колонны директор объявил строгие выговоры, семидесяти шести — выговоры, тридцать три переведены на низшую работу, девять уволены за различные прегрешения. И так, за первую треть

года — 219 взысканий. И, естественно, директор не теряет надежды, что до конца года будут охвачены все работники колонны. Это важно отметить, так как в прошлом году малость не дотянули: на 696 работников было наложено лишь 586 взысканий.

— Неужели, — удивляюсь, — сами по себе взыскания дали такой поразительный эффект?

— Ну, почему же одни взыскания? — возражает Анатолий Иосифович. — Мы одновременно широко используем и премиальную систему.

И это тоже правда. За те же первые четыре месяца текущего года 299 работников были лишены (полностью или частично) премиальных.

— В этом деле у нас порядок, — не может скрыть гордости директор. — Мы, например, с последнего квартала прошлого года перешли на новую систему планирования и материального стимулирования. И в положении строго записали: каждый, кто получит хоть малейшее взыскание, будет лишен стимулирования.

Следует сказать, что положение соблюдается неукоснительно. Впрочем, Анатолий Иосифович Сорока счел возможным сделать некоторые исключения: директору колонны тов. Сороке и начальнику отряда тов. Борейше, также имеющим взыскания, премии все-таки выписал.

— Нельзя в нашем деле допускать огульный подход.

Это Анатолий Иосифович так популярно все растолковал мне.

А тем любопытным, которые спрашивают, почему директор не лишил стимулирования самого себя, или почему самую большую премию по итогам года неожиданно выдал освобожденному председателю месткома, или почему вдруг оделил премию за внедрение новой техники начальника планового отдела П. И. Шмидт, которая к этому внедрению имела очень приблизительное отношение, — им, настырным, Анатолий Иосифович отвечает со свойственной ему чарующей лапидарностью:

— Вас это не касается. Не нравится, — можете уходить.

Многим не нравится, и многие уходят.

— Ничего, другие придут, — не теряет бодрости духа директор.

И действительно, все получается почти по исторической аналогии: многие уходят, многие приходят, а Сорока остается...

Узнав о коллективном письме рабочих колонны в редакцию «Крокодила», министр автомобильного транспорта Белоруссии Анатолий Евгеньевич Андреев заметил:

— Ну, не такой уж он, Сорока, плохой, как там некоторые пишут...

— Возможно, — сказал я в день приезда. А в день отъезда вынужден был добавить: — Но и не такой уж хороший, как о нем некоторые думают...

Е. КРУКОВЕЦ,
специальный корреспондент
«Крокодила»

г. Минск.

— У нас-то примут!

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ АРИФМЕТИКА

Когда ей было «дважды два» —
четыре,
Справлял он «дважды двадцать» —
...сорок лет.
Она была соседкой по квартире,
А он был просто «дяденька сосед»...

Он куклу ей купил
за «дважды восемь»
И ранец подарил за «дважды три»,
Когда она отправилась под осень
Туда, где изучают буквари...
Покуда «дважды два» она считала,
Успел сменить он «дважды две» жены,
И «трижды пять» детишек побросал он
В различных областях родной страны...

Ей стало «дважды девять» —
восемнадцать,
Ему — примерно
«дважды двадцать семь»,
И начал дядя интересоваться
Совсем не тем, и тем, да не совсем...

Он «трижды тридцать»
взглядов нежных бросил,
Раз «пятью пять» просил ее зайти,
Но нравился ей возраст —
«трижды восемь»,
И даже ближе к «дважды десяти»...

Сказал он ей, что возраст
«дважды десять»
В мужей не обратил еще мужчин
И нужно «семью семь»
...сначала взвесить,
Какой у мужа дом, оклад и чин...

Он выложил ей «дважды две»
сберкнижки
И «трижды пять» раз сумму показал,—
Тем самым доказал, что не мальчишка,
А то, что он мужчина, доказал,
Что он добудет ей все блага в мире,
Покажет «трижды семь»
...земных чудес,—
И к счастью путь,
как «дважды два четыре»,
Лишь с ним она отыщет, а не без...
Он «Волгу» купит ей за «пятью тыща»,
Квартиру за «пятысот на пять»
...в кредит,
Притом себе он счастья не ищет,
И зря она от счастья бежит!

И в этой арифметике соседа
Сбылись расчеты все до одного:
И счастлива она, и горя нету,
И вышла замуж... но не за него!
С любимым мужем...
...В собственной квартире...
На днях ей стало
«дважды двадцать» лет...

А где-то «девятнадцать на четыре»
Отметил бывший «дяденька сосед»...

ГОРЯЧАЯ НЕДЕЛЯ (Из одного дневника)

«В понедельник
С Павлом пил коньяк...
Тяпнули с Кузьмой портвейн
Во вторник...
В среду
«Спотыкач» достал свояк...
Угощал в четверг
Мадерой дворник...
В пятницу
Взял с Гришкой «Зверобой»...
Пил в субботу
«Старку» у Емели...
В выходной
Пил «Вермут» сам с собой...»

У него СЕМЬ ПЬЯНИЦ на неделе!

СПОРИМ...

О вкусах, говорят, не спорят,
Но мне под силу этот груз:
Мне ничего, мой друг, не стоит
Достоинство оценить ваш вкус.

Ваш вкус в том случае хорош и
Самостоятелен вполне,
Когда по вкусу вам все то же,
Что также и по вкусу мне...

Но если то, что мне по нраву,
Вам не понравится, родной,—
То, значит, просто вы неправы
И вкус у вас, увы, дурной!

Андрей ВНУКОВ

Андрей ВНУКОВ по образованию — историк, по профессии — литератор. Его стихи и сатирические произведения других жанров печатаются в журналах, передаются по радио и телевидению, исполняются на эстраде. Постоянный автор Крокодила, А. Внук — участник многих рейдов и выездных бригад журнала. В «Библиотеке Крокодила» вышла недавно книжка А. Внукова «Быль в глаза».

НЕТАЙНАЯ СТРАСТЬ (Командировочные стихи)

Я семьянин, отец детей,
И не хватаю лишку я,
А вот уехал и, ей-ей,
В отрыве от семьи своей
Влюбился, как мальчишка, я...
А как тебя не полюбить
Любовью первозглядною,
Хоть первым взглядом, может быть,
Тебя не смог я охватить,
Такую неоглядную!
Но я с тобой наедине
Был днями и неделями,
Ты снилась мне, жила во мне,
Я жил тобой, горел и не
Хотел, чтоб охладели мы...
Прошел в твоих объятьях май,
В июньских звездах небо...
Я так любил тебя, что знай:
Я б за тобой пошел на край,
Но дальше края не было...
Любовь не тайная моя
И вовсе не порочная,—
Тебе откроюсь, не тая,
Влюбился я в твои края,
Земля Дальневосточная!

НА ПАМЯТЬ О...

Значок «Петропавловск-на-Камчатке» мне удалось купить только в Душанбе.
(Факт, а не реклама.)

Дай мне что-нибудь на память,
Синеснежная Камчатка:
Предзакатных сопот пламя,
След полета белой чайки,
Дай окуроч сигареты,
Недокуренной вулканом,
Подари клочок рассвета
Над Великим океаном...

Жаль, что в местных магазинах
Сувениров местных нету:
Ни значков небесно-синих,
Ни закатов, ни рассветов...
Здесь, как будто по заказу,
Всем знакомый сувенир:
Рижский камень, рог с Кавказа
И значок «Пернатый мир».

Дай, Сибирь, мне зелень чащи,
Свет ангарского причала,
Подари глоток пьянящий
Из хрустального Байкала...
Но и здесь, как по заказу,
Всем знакомый сувенир:
Рижский камень, рог с Кавказа
И значок «Пернатый мир».

Подари, Урал, на память
Малахитовую зелень,
Твой родной уральский камень,
Вечно юный и весенний...
Но и с этим тоже сложно:
Сувениров местных мало,—
Только рог кавказский можно
Привезти домой с Урала...

Я, надеюсь, этой сказкой
Не обидел рог кавказский,
Рижский камень-сувенир
И значок «Пернатый мир».
Признаюсь вам откровенно:
Я люблю пернатый мир,—
Но хочу, чтоб непременно
Был повсюду неизменно
(За умеренную цену!)
Яркий местный сувенир.

Миниатюры

О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Вышел поэт,
Постучал по темени
И обратился к толпе:
«Времени нет
Говорить о времени,
Лучше скажу о себе...»

КРАТКОСТЬ — СЕСТРА ТАЛАНТА

Стихотворения писал он
Сверхлаконичным языком...
Сестру таланта, видно, знал он,—
Жаль, с братом был он незнаком!

А СУДЬИ КТО!

Футбольный матч,
...в котором склонен бить
Партнер партнера, словно неприятеля,
Обязаны, по-моему, судить
Судья и два народных заседателя.

ПЕРЕВЫПИЛИ ПЛАН

Так порою этот цех
Отмечает свой успех
С предцехкома во главе:
Вымпел — рюмка,
Вымпел — две...
Закружилось в голове!

Рисунки, которые ты видишь на этой странице, дорогой читатель, созданы были не для «Крокодила»... Впрочем, расскажем по порядку.

Двадцать два года назад в Центральном театре кукол под руководством С. В. Образцова выпущена была новая постановка. Она называлась «Обыкновенный концерт». В этом спектакле пародировались номера и артисты, которые — увы! — часто встречались на нашей эстраде и не слишком радовали советских зрителей. Сатирические портреты таких служителей муз выполнены были отлично. Каждый персонаж вызывал радость зрительного зала, ибо в этих фигурах, сатирически заостренных, все узнавали иных малоталантливых, лишенных художественного вкуса всегдашних концертной эстрады...

С некоторых пор название «Обыкновенный концерт» было несколько изменено в интригующую сторону: спектакль стал называться «Необыкновенный концерт».

У публики «Обыкновенно-необыкновенный концерт» обрел успех совершенно поразительный. Достаточно сказать, что за истекшие годы спектакль прошел 3 600 раз (прописью: три тысячи шестьсот). Даже и для двадцати двух лет это феноменально. В трехстах городах подымался занавес, чтобы показать номера-пародии в исполнении человечков-пародий. В двадцати странах люди смотрели парад кукол-артистов.

Не мудрено, что самые куклы сильно обветшали, с одной стороны, да к тому же вышли из моды. Ведь двадцать лет тому назад не только костюмы были другие. На нашей эстраде в те дни подвизались артисты иного творческого профиля, чем сегодня. И вот театр решил обновить персонажей знаменитого концерта. Сказано — сделано. Ныне сильно модернизированные «артисты» веселят зрителей в программе «Необыкновенного концерта».

Мы помещаем несколько рисунков художника Валентина АНДРИЕВИЧА: именно он создал и внешность всех персонажей «Концерта», и их костюмы, и даже движения, потребные по ходу номера, решены им же. Мы можем присоединиться к каждой из характеристик участников «Концерта», которые найдены, увидены и воспроизведены в веселой и умной постановке С. Образцова и С. Самодура.

КОЛОРАТУРНОЕ СОПРАНО — типичная фигура на эстраде. По внешнему виду она близка к многотрубному органу в Большом зале Московской консерватории. С той только разницей, что испускаемые ею звуки не включают в себя басовых тонов, а только дискантовые. А по виду можно было бы предположить, что эта дама сумеет заменить все тона и тембры органа.

За ее спиной мы видим аккомпаниатора-пианиста. Художник вполне резонно не стал уточнять черты лица этого музыканта: лица у него и нету. Есть только руки, которыми он стучит по клавишам...

ОБЫКНОВЕННЫЕ АРТИСТЫ ИЗ «НЕОБЫКНОВЕННОГО КОНЦЕРТА»

ПО ВОЗДУХУ О ЖЕЛЕЗНОМ ЛОДЫРЕ

С. ШАТРОВ

После утреннего завтрака мы снова собрались на уютном санаторном пляже. Бывший маркшейдер Антипов, разгребая голый пяток влажный песок, меланхолично заметил:

— Вот и отпуски кончатся. Я, признаться, мог бы без особого ущерба для своего здоровья отдохнуть еще недели две.

— А я соскучился, — сказал полевод Карпунин. — Потянуло к делу. Не понимаю людей, которые всю жизнь звонят в лапоть и не тоскуют. А ведь есть такие, и немало...

Все наперебой заговорили о бездельниках, и неожиданно выяснилось, что почти в каждом учреждении имеется свой лодырь. Так, в старое время чуть ли не в каждом селе был собственный юродивый.

— В нашем научно-исследовательском институте, — начал инженер Бабиченко, — числился в старших инженерах Виктор Авдеевич Голубцов. Сказать, что он был бездельником — значит еще ничего не сказать. Он был лодырем из лодырей, безмятежным, розовощеком паразитом. Все об этом знали, и все как-то свыклись с мыслью, что под крышей лаборатории нежится бездельник. Он стал неотъемлемой, чуть ли не обязательной деталью институтского ландшафта.

И все же однажды вспыхнул конфликт. Произошло это в нервное время сдачи годовых отчетов. Вся лаборатория самозабвенно трудилась. Сотрудники не ходили даже в столовую обедать, питались сардельками, сваренными в лабораторной посуде. Все засиживались допоздна; мужья должны были давать пространные объяснения женам; что же касается наших дам, то они уже не обращали никакого внимания на завивку и маникюр, что, сами понимаете, говорит об очень многом.

В один из таких суматошных дней Виктор Авдеевич, развалившись за письменным столом, спросил у чертежника Базилевича:

— Как вы думаете, кто из современных поэтов-

песенников останется в сокровищнице эстрадной культуры?

Старик Базилевич, который тоже любил потрепаться в урочное время, охотно оторвался от чертежной доски, поскреб линейкой переносицу и сказал:

— Пожалуй, останется Ефим Мандрус!

— Э-э нет, Мандрус не останется! — возразил Голубцов.

— А кто, по-вашему, останется?

— Судя по последнему конкурсу, Федор Губанос.

— Бог с вами! Что вы в нем нашли?!

— Как-никак он создал песню «Я лежу и свищу, трам-тарарам-там-там», — пропел Голубцов.

— Ну и что из этого? Тоже нашли классика! Уж скорее останется Каширский.

Голубцов вспорол длинным холеным ногтем мизинца целлофановую одежду новой пачки сигарет и сказал:

— Каширский не останется. Он намного слабее Сильченко-Вовчик, но и Вовчик, смею вас уверить, не останется. Хотите компромисс? Давайте остановимся на Прозоряне.

Тут не выдержал начальник лаборатории Гушин:

— Что за свинство! Сами не работаете и не даете другим! Какого черта вы затеяли этот спор? Пусть поэты-песенники делают места на музыкальном Олимпе!.. Вы забыли, что через три дня ваш отчет!

— Во-первых, — сказал Голубцов, — я попросил бы разговаривать со мной более корректно. Вы не на одесском привозе! Во-вторых, я не авральщик. Я трудился, как феллах, весь год, не откладывая все на последние дни... Так как вы смотрите на кандидатуру Прозоряна? — демонстративно повернулся он к Базилевичу.

Ровно через три дня начались отчеты. Все шло хорошо до того, как на трибуну поднялся Виктор Авдеевич и неторопливо, в академическом ключе

начал пороть несусветную чушь. Сказать ему было нечего, так как проведенные эксперименты не увязывались с заданной темой. Результаты опытов противоречили выводам скошно выполненные графики оказались не такой липой. Едва Голубцов закрыл рот, началась критическая буря. Даже электронная дружелюбная нам фирмы разделила дельный отчет так, что от него не осталось ничего, все превратилось в пыль!

После этой недостойной клоунады в лаборатории Гушин поспешил к директору. Наш шеф, несмотря на грозную внешность, был мягким человеком и до некоторой степени либералом.

— Так сразу и уволить? — поморщился Гушин. — Не слишком ли поспешно? Взгляните на биографию: «не был», «не судился», «не знаю», «не знаю». Вполне добропорядочная биография. Как дипломированный специалист и давний работник. И вдруг... взашей!

— Все не вдруг. Мы окончательно решили, что он прирожденный лодырь!

— Вирус безделья не передается по наследству, — возразил директор. — Лодырями рождаются. Вероятнее всего, мы не имеем ему возможности для самовыражения...

Мысль директора безумно понравилась Голубцову. На всех углах он начал твердить, что ему дадут возможность самовыражения, что скрывать и самопроявления технического таланта, он горы перевернет.

Виктора Авдеевича перевели в другую лабораторию. Здесь он вызвался сконструировать хитроумное приспособление, чтобы облегчить труд работников ОТК институтского опытного завода. Что-то писал, чертил, уносил из библиотеки литературы. Спустя полгода все было готово. Чтобы представить, какую идиотскую конструкцию создал Голубцов, вообразите на минуту

ИЦА «ОТТУДА» — гастролер-Запада. Наимоднейшая. Мы-мьяукает басом. Содержание: жалобы на любовные не-кваления пейзажей и нравов Парижа, в коем она сама да не была. Зато все по моде. Программке присвоено мод-ично: Мари Жюль.

ИЗ ЦЫГАНСКОГО ХОРА ЗАПО-ЛЯРНОЙ ФИЛАРМОНИИ — группа певиц и гитарист. Как известно, цыгане бывают кочевые, оседлые и ресторанные. Последние — цыгане не по национальности, а по профессии. Что они будут петь, всем известно. Это несколько старинных таборных, менее таборных и совсем нетаборных песен.

КОНФЕРАНСЬЕ — едва ли не лучший персонаж спектакля. Художнику удалось очень точно передать пошлую надменность этого персонажа. Текст для конференсье написал покойный Алексей Михайлович Бонди. Артист, режиссер, музыкант и драматург-сатирик (А. Бонди печатался и в «Крокодиле») сочинил серию смешных реприз, которые извергает самоуверенный конференсье Аркадий Апломбов. И лучше всего выражается характер Апломбова в фразе, которая стала почти афоризмом. Конференсье спрашивает зрителей:

— Граждане, может быть, я слишком культурен для вас?

Голубцовым экспе-емой, ре-ам, а ро-ль вульгар-ак подня-щники из-ублюдоч-аже руин,

предложили сконструировать портативное приспособление, облегчающее домохозяйке заварку чая, и вы приволокли махину весом в тонну, занимающую половину кухни.

Машина Голубцова привела начальника лаборатории в бешенство.

— Вы что, смеетесь над нами? — вскричал он. — Это же технический нонсенс!

— Постарайтесь подобрать парламентские выражения, — с присущим ему достоинством ответил Голубцов. — Вместо того, чтобы ругаться, как периферийный водовоз, вы бы лучше поразмыслили над условиями, в которых мне пришлось трудиться. Я был один. А человек не может один — это известно из литературы. Я не чувствовал локтя товарища, плеча коллектива...

— Но вы же сами не подпускали никого к своей работе, окружили ее непонятной секретностью!

— И в этом меня упрекают! — горестно воскликнул Голубцов. — Упрекают в то время, когда повсеместно идет патентная война и экономический шпионаж достиг чудовищных размеров!

У начальника задержались веки и начался тремор пальцев рук и ног.

— Судя по всему, вы считаете меня кретинком, — хрипло сказал он. — Но это ошибка, в чем вы очень скоро убедитесь!

После грандиозного скандала Виктора Авдеевича перевели в другую лабораторию. На новом месте он остался верен себе. Вы можете спросить: чем все же занимался Голубцов? Ничем. У бездельников есть тысяча способов ничего не делать и получать зарплату. К тому же он стал общественником. Произошло это так. Примерно раз в год в нашем институте начинается кратковременная, но бурная кампания за укрепление трудовой дисциплины. Идет охота за опоздавшими, объявляется священная война-газават самовольным отлучкам, волонтеры-хронометристы засекают в столовой время, потребное для поедания

котлет и вермишелевого супа. Голубцов по собственной инициативе включился в кампанию. Каждое утро он фотографировал из окна лестничной площадки третьего этажа опоздавших, мчавшихся сломя голову по двору. Затем снимки с одобрения месткома были смонтированы на доске и снабжены стихотворным текстом Голубцова.

Надежда Гаврилюк
Тревожиться не стала,
Хоть целых пять минут
Она в НИИ украла.

Файбушевич долго спал,
На работу опоздал...

У доски роились и по-шмелиному гудели сотрудники. Местком был доволен. И все же в конце года разразился очередной скандал. Голубцов, кроме стихотворных шедевров, ничего представить не мог. Его перевели в четвертую по счету лабораторию. Повторилась та же история. Наконец у мягкосердечного директора лопнуло терпение, и он подписал приказ об изгнании Голубцова.

Виктор Авдеевич и бровью не повел. Он плел на ладони и вступил в борьбу. Казалось, силы неравны. С одной стороны, коллектив научно-исследовательского института: восемь докторов наук, двадцать девять кандидатов, один членкорр и прочая и прочая, с другой — звонарь, откровенный бездельник, ничтожество.

Но не спешите с прогнозами. По жалобам Голубцова в институт зачастили комиссии. Начались обследования, дознания, которые перемежались увещаниями и советами не травмировать Голубцова, обращаться с ним бережно, поскольку не все еще сделано для его перевоспитания и душевного преобразования. Дело перешло в суд.

В суде Голубцов показал себя тонким психологом и темпераментным оратором. Он сетовал на

равнодушие, на одиночество; роняя слезы, говорил о локте товарища и плече коллектива; цитировал стихи о Файбушевиче, который долго спал и на работу опоздал, а на работе той затор, Файбушевичу позор; жаловался на разрушителей трудовой дисциплины: они мстят ему, стихийному общественнику!

Подвиги Голубцова на общественной ниве загнипотизировали суд. К тому же, как известно, судьи неохотно применяют пресловутую статью КЗОТ. Словом, восемь докторов наук, двадцать девять кандидатов и прочие были повержены железным лодырем...

Бабиченко закончил свой рассказ.

— Самое удивительное, — сказал Антипов, — что в нашей стране, где люди труда в такой чести, с бездельниками миндальничают и церемонятся.

— Я не юрист и не состою в комиссии законодательных предположений, но мне кажется, что надо кое-что исправить в нашем трудовом законодательстве, — сказал Бабиченко. — Ведь что, друзья, получается: если отличнейший работник прогулял день, его можно без труда уволить. Человеку же, который не работает годами, ничего сделать нельзя. Чуть какая-то!

— Вам так и не удалось избавиться от Голубцова? — спросил Антипов.

— К счастью, нам удалось сосватать его в другую фирму. Дали ему хорошую характеристику, и те сдуру клюнули. Это было некрасиво, даже подло с нашей стороны, но чего не сделаешь для спокойствия в родном доме. Недавно я видел Голубцова в его новой резиденции. Он сидел развалившись за столом, на его розовощекой физиономии блуждала сытая улыбка. Обмахиваясь логарифмической линейкой, он спрашивал у сослуживца:

— Так что вы скажете о конкурсе эстрадной песни в Сопоте? Кто, по-вашему, возьмет первое место? Я лично ставлю на Еву Пшибылко-Ружецкую...

1. УБЕГАЕМ ОТ ВЕСНЫ

Конец апреля. Первые жаркие дни в Москве.

А я впервые еду на Север, на весеннюю охоту с подсадными. Желание и охотничий билет у меня есть, ружья и опыт везут два моих спутника, закаленные землепроходцы и охотники. Восемнадцать часов в поезде — и вот уже подхватывает нас раздолбая архангельская река Свидь.

Наш караван состоит из двух лодок. На первой, с мотором, идут мои товарищи. Меня тащат на веревке, как козу на рынок. Я не сопротивляюсь и лишь тихонько шевелю рулем. Рулить на буксире чрезвычайно просто. Представьте себе, что вы сидите на лошади лицом к хвосту, причем лошадь идет задом наперед, а вожжи вы держите ногами. И вот, если вы хотите повернуть направо, — тяните за правую вожжу, налево — за левую.

Река идет точно на север, и точно с севера навстречу нам хлещет сильный, резкий ветер со снегом. Снежинки твердые, круглые, как гомеопатические шарики. Козырек шапки-ушанки я опускаю на самые глаза. Помимо того, что это модно, так еще и теплее.

И вот, когда снег уже перестает таять на наших лицах, чудесное видение возникает впереди, в снежном тумане — старая деревянная церковь, высоко и гордо стоящая над крутым берегом.

Ну разве можно в такой ситуации остаться атеистом? Крестьясь и бормоча святые слова, подруливаем. Деревня Астафьево. Здесь и переночуем.

Разгрузившись, первым делом бежим к церкви — поставить свечку во спасение наших заледеневших душ. Однако двери на замке и находятся на высоте

Рисунок М. СОКОЛОВА

В. КАНАЕВ

«ЗА» и «ПРОТИВ»

Моей характерной чертой является то, что в любом вопросе я взвешиваю все «за» и «против».

Вот, например, за завтраком мне пришла идея провести выходной день на лоне природы. Но прежде чем поделиться своими планами с женой, я подумал: «Предположим, я скажу так: хватит, дорогая, киснуть дома...»

«А где же ты предлагаешь киснуть?» — спросит жена.

В ответ я нарисую радужную картину загородной прогулки.

«Представляю, что это будет за прогулка! — возразит жена. — Сначала надо томиться возле пригородной кассы...»

«Но зато потом!» — пылко воскликну я.

«А потом часа два мариноваться

двух метров от земли. Догадываемся: некогда здесь было крыльцо. Толстые бревна подгнили. Тесовая обшивка наполовину содрана. В щелку, образовавшуюся между крышей и стеной придела, свободно могла бы пройти козова знаменитой ярославской породы. Могла бы, да не пойдет: наверняка испугается свободно раскачивающихся под крышей трухлявых досок.

Неужели же такая красотища обречена на гибель? Обходим церковь еще раз и замечаем табличку:

Совет Министров РСФСР
Министерство культуры
ПАМЯТНИК АРХИТЕКТУРЫ
1693 г. Никольская церковь.
Охраняется государством.

Ну, тогда все в порядке. Табличка добротная, покрыта эмалевой краской, вполне продержится лет пятнадцать — двадцать. Успокоенные, удаляемся. Из щелей церкви с карканьем валит нечистая сила — ну точно как в «Вию». И ветер, торжествуя, барабанит отдранным железом кровли.

2. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Снова вниз по Свиدي. Проходим пороги — самое опасное место. Рядом — деревушка, построенная здесь, видимо, для того, чтобы подбирать грузы разбивающихся на порогах расшив и баркентин. (Алмазы, пряности и шамаханских царевен распределяли соответственно количеству душ в каждом дворе.)

Ниже река становится все шире, спокойней и в конце своего пути выносит нас к нескольким избушкам. К сваям зачалены лодки с моторами «Москва». Сушатся сети. Это свидский дом рыбака.

Кряхтя, вываливаемся из утлых суденышек, разминаем притомившиеся чресла. Меня настораживает нестройный гвалт, доносящийся откуда-то неподалеку. То ли песни поют под гармошку, то ли пляшут.

— Праздник, что ли, у рыбаков? — Я прищелкиваю пальцем по горлу.

— Выйдем к озеру, — вместо ответа предлагают мне спутники.

Необозримое озеро Лача покрыто льдом. Мать моя, мамочка! Да это же лебеди! Белые-белые красавцы — стаями опускаются на лед. Сколько их тут — сотни, тысячи? Я начал считать, но сбился между двадцать седьмым и двадцать восьмым — птицы все время в движении.

...Стоят три человек на краю огромного ледового пространства. Стоят долго, и в открытые рты их тихо залетают снежинки. Потому что зрелище это потрясает не меньше, чем знаменитое «Лебединое» в Большом. Да, возможно, виртуозности Чайковского и Плисецкой здесь не хватает, но даже нестройный оркестр из сотен серебряных труб забыть невозможно. И вдруг — раскаты аплодисментов до самого горизонта. Это птицы, как оговорившись, начинают хлопать крыльями — может, и у них закончилось свое очередное действие.

Великолепны в полете лебеди. И великолепно трубные звуки, издаваемые ими в воздухе. Но когда они сидят на льду, звуки превращаются в немалый галдеж. Такое можно услышать только разве на собрании жилкооператива при разыгрывании квартир.

Начинается самый лов: подул южак, лед уходит от берега. И весь день подваливают к причалу лодки, груженные щукой, язем, лещом. А ближе к ночи собираются рыбаки в доме, покуривают, чай прихлебывают. Кто помоложе — обязательно транзистор мучает, джаз ловит. И кто-нибудь старательно наклеивает очередную латку на резиновый сапог, «незлым тихим словом» поминая руководителей Гослова, обязанных обеспечить рыбака двумя парами сапог в год. Рыбак, как и всякое живое существо, охоч до взаимной любви: я вас снабжаю рыбой, а вы меня извольте спецодеждой. С промокшими же нога-

ми поймашь не рыбу, а скорее всего ангины...

3. ПОЧЕМ НЫНЧЕ УТКА!

Надо приступать к делу — засидке в шалаше с подсадной уткой. Механика этого занятия известна — охотник в шалаше, утка, привязанная за ногу, громко кричит, подзывает селезня. Тот прилетает — и дальше все зависит от меткости выстрела.

Мы привезли с собой трех чудесных подсадных уток. По дороге заботились о них, кормили-поили. За это они еще в поезде, сидя в корзинке, снесли нам по яичку, правда, цемного опоздав к христову дню...

В искусстве строить шалаша я поднатерел. В первом шалаше я сидел скорчившись, как личинка тутового шелкопряда в коконе, с той разницей, что личинке тепло, а мне — не очень. Шалаш был явно не тот, в котором с милым рай.

А последний шалаш я выстроил, соблюдая все требования современной архитектуры: внутри масса света и воздуха, звукоизоляция примерно такая же, как в новых московских квартирах. Справа от входа была даже небольшая сидячая ванна...

* * *

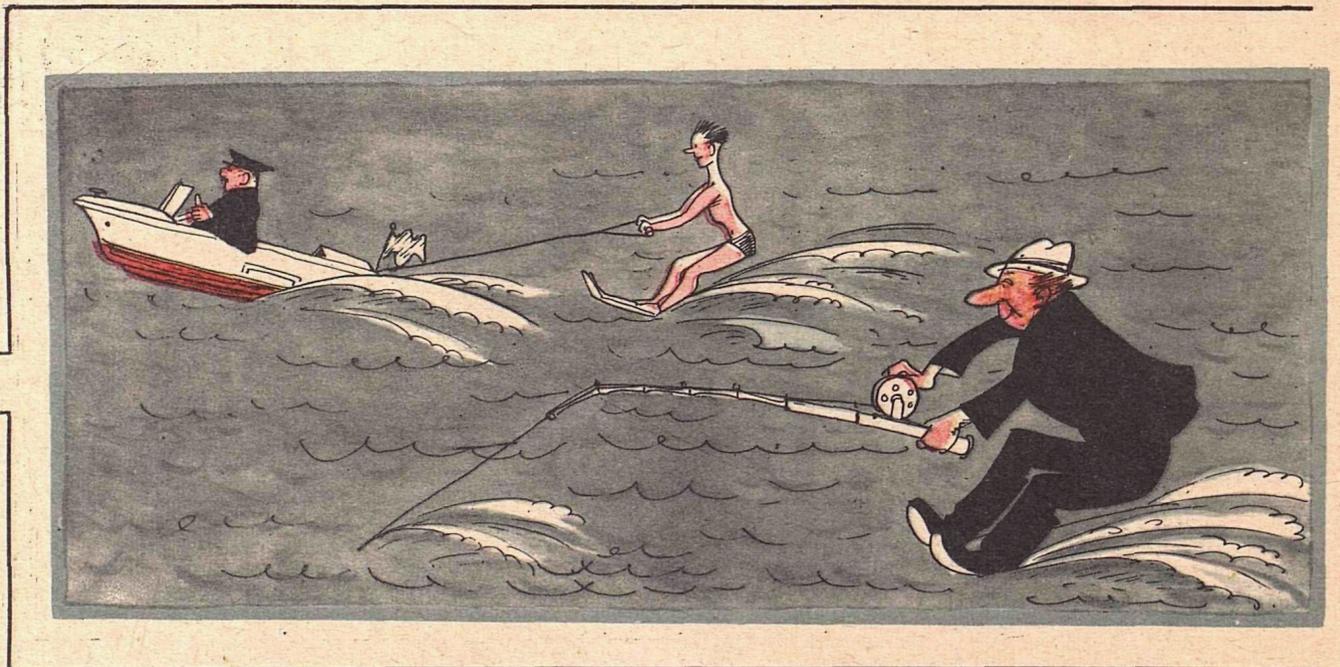
— Да ладно тебе про шалаша, — слышу, торопит меня читатель. — А как сама-то охота? Сколько привез селезней?

Что вам сказать? Подсчитав все расходы и поделив их на вес привезенной дичи, я определил, что килограмм утятины обошелся мне в 11 рублей 74 копейки.

Да, но на какие счета кинуть укрепленные нервы, да легкие, битком набитые кислородом, да четыре килограмма лишнего веса, что сбросил я за две бродячих недели?

И уже на обратном пути подумал я о тех отпускниках, которые аккуратными паркетными рядами укладываются на сочинском пляже.

Жалко мне их.

в электричке. Причем всю дорогу у тебя на ноге обязательно будет стоять какой-нибудь стокилограммовый дядька в соломенной шляпе».

«Но зато потом мы сможем размяться, расправить плечи и наслаждаться чистым озоном».

«А не проще ли купить озонатор? — ехидно улыбнется жена. — Включи его в электросеть и дыши сколько угодно. Что же касается разминки, она найдется в домашних условиях. Можешь натереть пол или пройти пылесосом по ковровой дорожке. На выбор».

Я помрачнею, придумывая новые «за».

«За городом перед нами откроются чудесные пейзажи — березовые рощи, хвойные леса», — ухвачусь я за последнюю соломинку.

«Если у тебя такая тонкая натура и тебя не волнует газон около нашего дома, то у нас есть коробка из-под конфет «Мишка косолапый», — убьет меня жена. — Конфеты, правда, мы уже съели, но на коробке сохранилась репродукция с картины Шишкина «Утро в сосновом лесу». Положи ее перед собой и любуйся на здоровье».

В это время из кухни появилась жена.

— Ты что такой мрачный? — за-

беспокоилась она, наливая кофе в чашки.

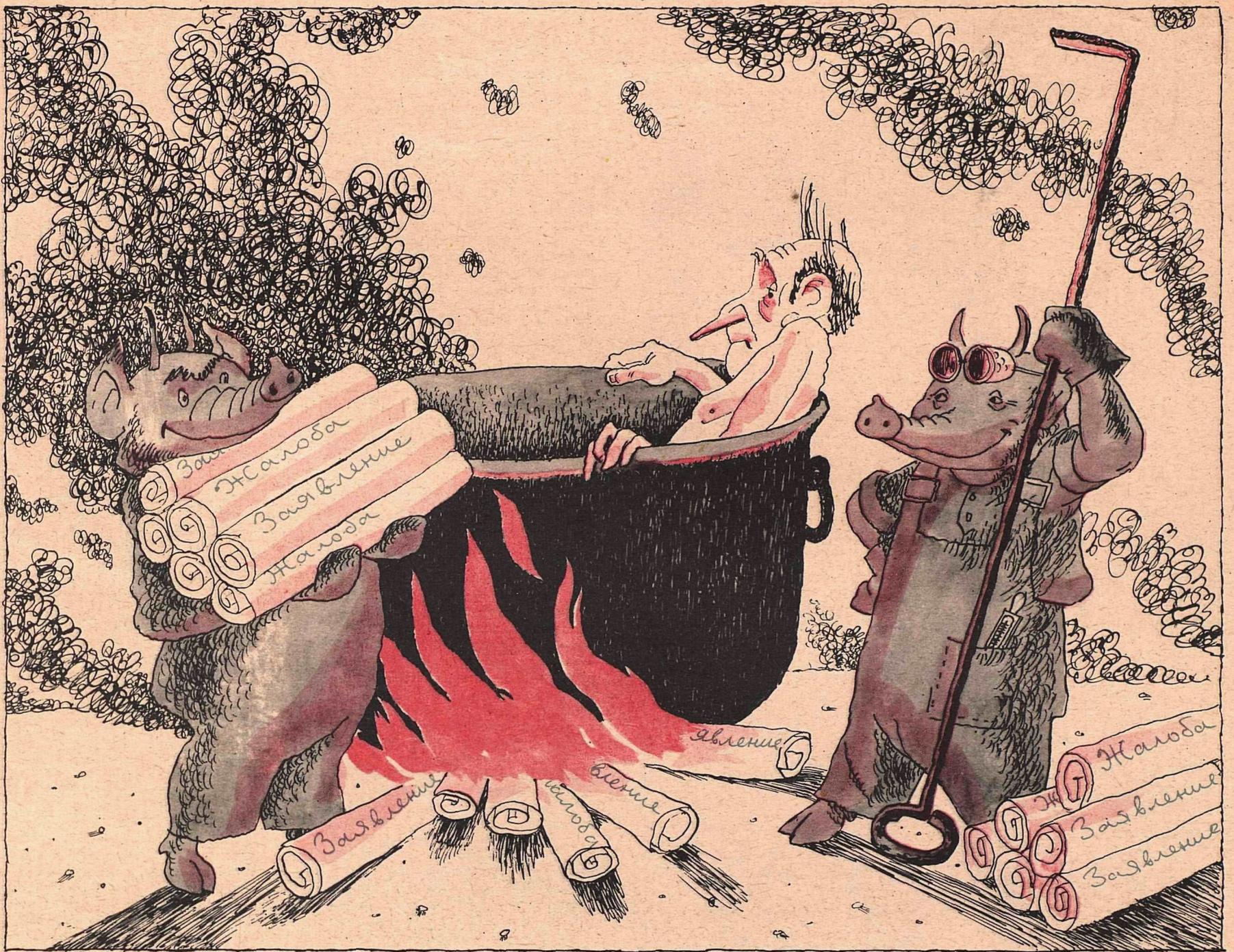
— Да вот думаю, не поехать ли нам за город...

— Правильно. Я — за! — радостно воскликнула жена. — Нечего нам киснуть дома.

Этого я от нее не ожидал.

— Да... — нерешительно произнес я. — Сначала целый час томиться возле пригородной кассы, а потом в электричке два часа у тебя на ноге будет стоять стокилограммовый дядька в соломенной шляпе... Не проще ли купить озонатор?..

За город мы так и не выбрались.

КЛЯЗУНИК В АДУ: — Ох, и понаписал я на свою голову!

Рисунок Е. ГУРОВА

Моя доска объявлений

«Сегодня все инъекции (уколы) через эту дверь не делаются, уколы делаются через дверь рядом».

(Из объявления в поликлинике.)
Списал П. ЛИХВАР.

г. Краснодар.

«По служебной лестнице подниматься воспрещается».

(Объявление на пожарной лестнице.)
Прислал М. ГАНУЛИН.

г. Москва.

«Товарищи-родители, кому надевали ясельные штанишки, просьба возвратить».

(Объявление в деткомбинате № 250.)
Доставил В. ТАРАКАНОВ.

г. Минск.

«Пенсионеры и граждане, проживающие на пос. Бородинском, желающие получить земельный участок для сада, должны прийти в поссовет к 10 часам 15 марта для разъяснения, то есть нужно помочь совхозу заготовить лед».

Прислал А. КОРНЕЕВ.

Тульская область.

Фото Р. ШАБРОВА.

г. Москва.

Технический отдел 4-го ТМ П.

(Из памятки, разработанной 4-м таксопарком.)
Прислал И. ИВАНОВ.

г. Москва.

«12 апреля 1968 г. в 18 час. в Доме культуры назначается общее собрание владельцев коров пос. Нев. Дубровка».

Повестка дня:

1. Отчет скот-тройки за 1968 г.
2. Выборы скот-тройки.

Прислал Е. СОЛОВЬЕВ.

Ленинградская область.

«В универмагах № 1 и № 2 в среду, четверг, пятницу и субботу с 6 до 7 часов вечера производится продажа телевизоров с участием мастера по настройке».

В эти дни и время вам предоставляется возможность выбрать и купить телевизор в исправном состоянии».

Газета «Ленинская правда»

г. Ханты-Мансийск.

«К срочному мастеру только с ног и оформлять через кассу».

(Объявление в мастерской по ремонту обуви.)
Копию сняла Т. КЛЕПИКОВА.

г. Сучан.

Фото В. БАРЗДОВА.

г. Керчь, рыбконсервный завод.

— Что это вы так часто стиральную машину берете?
— А мы в ней коктейль сбиваем.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Плоды раздумья

Если ты не замечаешь собственную глупость, ты глупец, если замечаешь, — умный, если предупреждаешь, — гений.

Золотое дно: чтобы добраться до золота, необходимо опуститься на дно.

Принято считать: «Если таланта нет, ничего не попишешь!» — однако многие это опровергают.

Если был бы открыт институт по повышению квалификации подхалимов, то пришлось бы организовать и академию.

Лучше тянуть время, чем

резику: резина может кончиться, а время вечно.

Чужие лавры не дают спать, а свои — усыпляют.

Мудрость — это не морщины, а извилины.

Начальник — это особый вид фрукта, который едят глазами.

Не меняй так часто убеждений: береги запасы.

Если ты обычно выкладываешь всю правду, не означает ли это, что ты берегешь ложь на особый случай?

Виктор ЖЕМЧУЖНИКОВ

Вот ведь как бывает на свете. Живет себе человек и в ус не дует. То есть дует, конечно, но виду не показывает. Ездит в троллейбусе на службу, пьет кофе, стоит в очереди за бананами. И вдруг сверкает некое высшее озарение, и человек открывает законы гидростатики. Или пишет оперу. Или изобретает гамма-глобулин. Все зависит от наклонов индивидуума и широты размаха.

А бывает, оказывается, что творческие озарения могут вспыхивать одно за другим, как в грозу. И даже чаще, чем в грозу, — как при пожаре. Получается что-то вроде негаснущего огня, у которого очень удобно греть руки.

Несколько лет полыхает такой огонь в Управлении капитального строительства Челябинского горисполкома. Сидят вокруг костра пять-шесть человек, с аппетитом глядя на пляшущие языки пламени. Законов природы они не открывают. Ведут себя работники УКСа очень пристойно, в полном соответствии с указаниями Комитета по делам изобретений и открытий. Вносят рационализаторские предложения по изменению проектов зданий и сооружений в городе Челябинске, причиняют тем самым экономию государству и получают за это премии.

Берет, допустим, УКС проект ливневой канализации. Вы, очевидно, догадываетесь, что такое ливневая канализация. Это то самое сооружение, благодаря которому граждане могут передвигаться по улицам пешком, а не вплавь. Так вот, берет УКС проект ливневой канализации и, поразмыслив, выбрасывает из него участок трассы. Экономия — 24 тысячи рублей. Вознаграждение за рационализацию — 522 рубля. Совсем как в рекламе: «Это выгодно мне и государству».

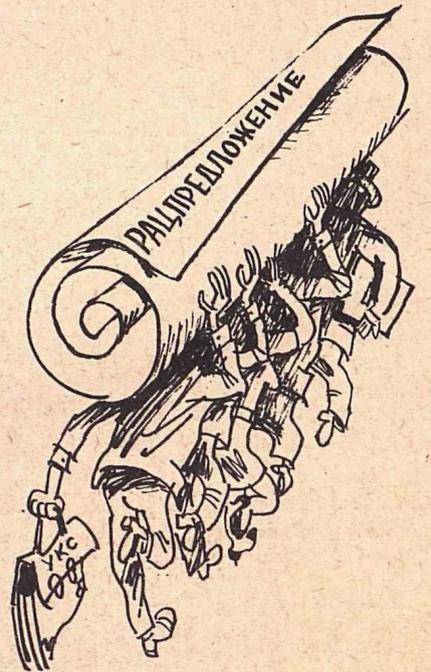
Или, скажем, приходит проект благоустройства микрорайона. Смотрит УКС широко раскрытыми глазами и видит подсыпку грунта слоем полтора метра. И на проект благоустройства ложится отсвет творческого пламени рационализации. Предложение: сократить подсыпку до полуметра. Экономический эффект — 133 тысячи рублей. Вознаграждение — 2 224 рубля.

Все это было бы весьма похвально, если бы не некоторые смутные обстоятельства, бросающие тень на безоблачное творчество челябинских рационализаторов.

Обстоятельство первое. Проекты, которые усовершенствует неутомимый УКС, выполняются по заданию того же УКСа и с УКСом согласовываются. УКС — заказчик. УКС — хозяин. УКС платит деньги за строительство и, как всякий хозяин, заинтересован в том, чтобы платить меньше. Казалось бы, при согласовании проекта и надо было выкинуть участок канализации, если он не нужен. Или убрать лишний объем грунта, чтобы зря не тратить деньги.

Но, увы, это не те деньги, которые шуршат. Это деньги, в экономии которых заинтересован УКС как организация, но не работники УКСа как отдельные личности. И проект согласовывается без заме-

чаний. А потом вспыхивает неумный огонь рационализации, за которую платят премии, шуршащие внятно, как морской прибой, в то время как за исполнение прямых обязанностей ничего не платят, кроме оклада.

Обстоятельство второе. Сыплются рацпредложения из УКСа, словно из рога изобилия. Что ни предложение, то экономия. Но, помимо экономии, есть, оказывается, и другие критерии. Если к автомобилю не привинтить колеса, тоже получится экономия. Дадим слово экспертам:

«Рационализаторские предложения УКСа горисполкома № 1 и № 7 нельзя признать технически целесообразными, так как они ухудшают проектные решения, что скажется в период эксплуатации выстроенных объектов».

«Решение УКСа вынужденное... и мало надежное в эксплуатации».

«Предлагаемый поверхностный водосток лишит возможности перехода улицы к школе во время ливней».

Правда, надо отметить, что свое мнение эксперты высказали совсем недавно, после того, как рационализаторским творчеством УКСа заинтересовался ОБХСС. Несколько ранее предложения рационализаторов из УКСа были успешно приняты и претворены в жизнь.

Обстоятельство третье. При таком промышленном размахе рационализации в УКСе, оказывается, не так уж много рационализаторов. Вот основные: Н. Х. Балтаджи, Т. Г. Коржакова, В. Л. Брикер, Л. З. Шаламов, А. М. Золотухин.

В БРИЗе, где рассматриваются рацпредложения, тоже немного народу — человек шесть. В том числе тт. Балтаджи, Коржакова, Брикер, Шаламов, Золотухин.

— Кто за то, чтобы принять предложение тов. Брикера?

ОЗАРЕНИЕ

Товарищи Балтаджи, Коржакова, Шаламов и Золотухин поднимают руки.

— Кто за то, чтобы принять предложение тов. Балтаджи?

Товарищи Коржакова, Брикер, Шаламов и Золотухин поднимают руки.

Как видите, БРИЗ работает по системе самообслуживания. Сами вносят предложения, сами рассматривают, сами принимают.

Бывает, конечно, вдруг возьмет да и подаст предложение какой-нибудь выскочка-чужак. Что ж, объективность прежде всего. Можно и его предложение рассмотреть. Если, разумеется, у него хватит такта пригласить в соавторы тов. Балтаджи.

Есть и другие, не менее туманные обстоятельства, сопутствующие безудержной рацедеятельности УКСа. Но бог с ними, с обстоятельствами. Не будем утомлять ни в чем не повинного читателя. В конце концов существуют люди, обязанные по долгу службы обращать внимание на пламя, которое коптит.

Например, начальник УКСа тов. Павлов. Он обращает самое пристальное внимание. Именно он приказом по УКСу дважды премировал наиболее достойных «за активное участие в содействии внедрению рацпредложений». Наиболее достойными оказались тт. Балтаджи, Брикер, Коржакова и др. (см. выше).

Конечно, если учесть, что за один год Балтаджи пожинает на тучной ниве рационализации около двух тысяч, то какая-то там тридцатка — это не деньги. Пустяк. Но все-таки приятно. Чувствуется, что ценят человека.

...А жизнь в Челябинске идет в полном соответствии с законами диалектики. Зимой, как правило, сменяет весна, на смену весне в большинстве случаев приходит лето. Звенят игривые весенние ручейки, щедро плещутся летние ливни. Все как положено.

Только люди как-то не звенят, а все больше плещутся, передвигаясь по улицам, отмеченным печатью рационализации. Где-нибудь на улице Кулибина или на Лесной совершают люди баялетные прыжки, стараясь не зачерпнуть в ботинок, ругаются сквозь зубы и совсем не подозревают, что именно здесь при строительстве ливневой канализации УКС горисполкома достигло экономии благодаря внедрению ценного рацпредложения.

А если б они знали это, то, конечно, не ругались бы, а прыгали с воодушевлением, провозглашая здравицы в честь Управления капитального строительства и лично главного инженера тов. Н. Х. Балтаджи.

Впрочем, сам Н. Х. Балтаджи к всечелябинской известности не стремится. Ему главное, чтобы цифры были посольнее. И прежде всего те цифры, которые в ведомостях обычно пишут прописью.

А. МАТЛИН,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Челябинск.

КАК
НА
ОДНОМ
ЗАВОДЕ
ШТАТЫ
СО-
КРА-
ЩА-
ЛИ

Экономя средства
«Мудро» в своем роде,
Сократили штаты
На одном заводе:

Уборщицу — в инструментальном,
Уборщицу — в экспериментальном,
Уборщицу — в термическом,
Уборщицу — в механическом,
И еще одну уборщицу
В конструкторском бюро.

Вот пришли на смену.
Ан не до работы —
На людей свалились
Новые заботы:

Нет воды в инструментальном,
Грязно в экспериментальном,
Пыль столбом в термическом,
Горы стружек в механическом,
Пришлось за метлы взяться
И конструкторскому бюро.

Так вот «экономно»
Жили два квартала.

Подвели итоги —
Даже грустно стало.

Аврал — в инструментальном,
Завал — в экспериментальном,
Сорван план в термическом,
Провален — в механическом,
Труба, как говорится, дело
В конструкторском бюро.

Дал приказ директор:
«Чтоб отныне точно
Выполнялся график,
Взять нам надо срочно:

Слесаря — в инструментальный,
Токаря — в экспериментальный,
Механика — в термический,
Сварщика — в механический
Да инженера —
В конструкторское бюро».

Пусть подметают!

Михаил ГЛАЗКОВ

Ярославская область.

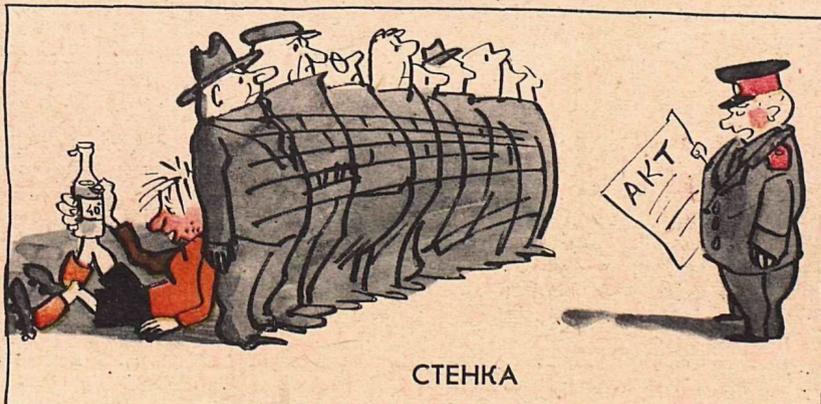

Рисунок В. ЖАРИНОВА

ПРОСТО АНЕКДОТ

Пациентка обращается к врачу:

— Если существует столько медицинской литературы, зачем нужны врачи?

— Чтобы больной не умер из-за какой-нибудь типографской ошибки.

Беседуют две подружки.

— Какой твой самый большой недостаток?

— Тщеславие. Я часами просиживаю перед зеркалом, восхищаясь своей красотой.

— Это не тщеславие. Это фантазия.

После спектакля знаменитого мима Марселя Марсо один из зрителей воскликнул: «Вы представляете, как изумителен был бы этот парень, если бы он еще умел разговаривать!»

ЗАКАЗЧИК. Мне нужно сшить костюм. Но только поскорее.

ПОРТНОЙ. Он будет готов через месяц.

ЗАКАЗЧИК. Через месяц! Господь бог создал весь наш мир за одну неделю!

ПОРТНОЙ. И он вам нравится?

В начале концерта певица пожаловалась распорядителю, что ей мешают свозняки. Тот ответил:

— Я прошу прощения, но мадам может гордиться. Двери открываются из-за входящих людей, которые хотят услышать пение мадам.

Через полчаса певица снова вызвала распорядителя:

— Неужели они до сих пор продолжают приходить?

— Нет. Теперь они уходят.

— Мария Петровна! — возмущенно кричит сосед соседке. — Ваши трое сыночков опять забрались на мою яблоню.

— Ох, беда! — восклицает соседка. — А где же мой четвертый?

Жена ходит с мужем по разным отделам универмага и делает покупки. Наконец муж, не выдержав, говорит ей:

— Платья, плащ, парфюмерия, белье! Ты представляешь, до чего ты меня доведешь?

— Конечно, дорогой! До отдела обуви.

— Алло! Джонс, почему вы не выходите на работу? Вы больны гриппом?

— Наоборот. Я единственный, кто не болен, и не прихожу, чтобы не заразиться.

Перед премьерой.

— Вы слышали, режиссер потребовал пятьсот статистов.

— В костюмах той эпохи?

— Нет, в обычных. Заполнить зал.

Шона СМАХАНУЛЫ

ГДЕ ЖЕ НАШИ УЧЕНИЦЫ?

В сентябре
Ушла из школы
Сандигуль.
В октябре
Куда-то скрылась
Дамиля.
В ноябре
Ушла из школы
Арлигуль.
В декабре
Как растворилась
Сагиля.
И платком махнула
В марте
Майра.
В мае
Упорхнула
Сайра.
Где же
Наши ученицы?
Отвечали
Очевидцы:
— Задает вопрос тупицы.
Замуж выданы девицы.

А директору школы
Все равно.
А директор
Играет в домино.
А директор
Сообщает в районо:

— Объяснение? Вот оно:
«Девицы —
Ученицы
Решили отличиться.
Знай,
Страна,
Их сердце жарко:
Как одна,
Пошли в доярки!»

Перевел с казахского
Вл. ПРИХОДЬКО.

1. ИНДУСТРИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Человека нужно любить. Турист — человек. Следовательно, турист достоин любви. Так диктуют законы формальной логики, помноженные на гуманизм.

Наш «Интурист» сверху донизу состоит из логически мыслящих гуманистов. Они трудятся в сфере, именуемой «индустрией впечатлений».

— Турист оставляет деньги, а увозит впечатления, — объяснили мне в «Интуристе». — За хорошие деньги — отменные впечатления. Все довольны, проигравших нет.

Ветер странствий, овевающий шар земной, заметно крепчает. В прошлом году, по данным ООН, он сорвал с места сто пятьдесят миллионов любознательных индивидуумов и перенес их через границы в сопредельные и затридцатьземельные страны.

Один из полноводных потоков этого глобального человеческого разлива заворачивает в наши советские края.

2. КТО НА ЧЕМ

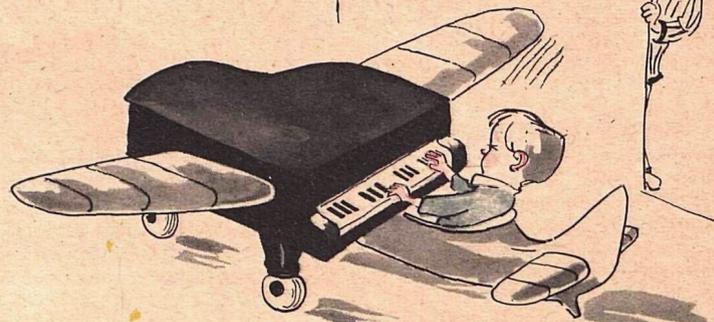
О людях, сходящих с реактивных лайнеров на шереметьевскую бетонку, мы не говорим. Это норма. Поезд — тем более будни. Поговорим о романтиках.

Американец Чарльз Стэнфорд¹ с женой и двумя детьми, следуя примеру своих предков — пионеров Дикого Запада, приехал к нам в громадском фургоне, влекомом квадригой лошадей. На подступах к реке Березине фортуна обошлась со

¹ Все факты настоящего фельетона подлинны, чего нельзя сказать о фамилиях: зачем смущать гостей?

— Теперь его от рояля не оторвешь.

Рисунок А. ГРУНИНА

— Пошли, чего там! Живем ведь только раз!

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

ВСЕ ФЛАГИ

Репортаж

сельской моды 1912 года, — тридцать ситцевых головных платков. На обратном пути он с малиновыми от смущения щеками признался в «Интуристе», что роздал только пяток — над его презентами посмеивались хотя и вполне дружелюбно, но достаточно громко.

Но этот дидусь по крайней мере нашел свою деревню. Бывает и хуже, вернее, лучше. Мистер Ник Грин из той же Канады прислал в «Интурист» слезное письмо: «Хочу, обув лапоточки, пройти по городам и весям, посетить родимое гнездовье, где, быть может, помнят меня, Николая Гринько».

«Интурист» разъярил канадцу, где приобрести туристическую путевку, тот прибыл в Союз, а дальше начались затруднения. Ник-Николай не мог найти лапоточки, а «Интурист» — его гнездовье. Деревушка под таким названием не значилась ни в одном справочнике. Наконец выяснилось, что на месте сельца благополучно растет вширь и ввысь новый город Электрина, близ Вильнюса.

4. ШАНС УБИТЬ МЕДВЕДЯ

Медведя можно убить из ружья. Турист может приехать с ружьем. Следовательно, турист имеет шанс убить медведя. Так получается по формальной логике, спорить с которой «Интурист» не собирается. Он толь-

Стэнфордом столь же нелюбезно, как некогда на том же месте с Наполеоном. Все четыре лошадиные силы наелись суперфосфата и бездыханные рухнули в кювет. «Четыре сболку, ваших нет», — сказала фортуна мистеру Стэнфорду. «Дадим наших», — вмешались соседние колхозы, скинулись на четверых и снабдили Стэнфорда новой квадригой. Янки с Дикого Запада покатила дальше, благословляя гостеприимный Восток.

Молодой француз Роже Картье соорудил средство передвижения из мотороллера и инвалидной коляски. Трескучий гибрид был украшен призывом «бензин — деньги». Тут же болталась сумочка. На остановках сердобольные россияне подбрасывали негодному галлу на горячее...

Английские школьники ежегодно высаживают на советских берегах морской десант. Компания «Бин» закупила у интендантства списанные десантные суда «Дунера», «Девония» и «Невасса», и семь тысяч маленьких британцев со своими учителями весело плывут в Совет Раша. Нравится ли им у нас? Очевидно, да, если по возвращении их на острова лондонская печать поднимает шум на тему «Английские школьники обращают своих родителей в коммунизм».

3. ПЛАТОЧКИ И ЛАПОТОЧКИ

Один седобородый канадский мистер украинского происхождения привез бывшим односельчанам роскошные презенты, последний крик

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

В десятом номере журнала за прошлый год ты опубликовал фельетон «Исповедь начальника станции». В нем говорилось, что начальникам станций Одесского узла некогда работать, они почти все время проводят на различных совещаниях. К сожалению, после твоего фельетона ничего не изменилось.

В. ПЛАХОТНИК

г. Одесса.

Мы решили позвонить в Одессу и проверить, как там отреагировали на наше выступление.

И вот Одесса на проводе.

— Пожалуйста, начальника станции Одесса-порт товарища Катушкова.

— Он на планерке. Отчитывается перед отделением за первую половину суток.

— Тогда дайте станционного диспетчера.

— Он на совещании смены, вступающей на дневное дежурство.

Следующим звонком мы угодили как раз в планерку по разбору работы ночной смены.

Нет так нет. Поговорим с начальником отделения.

— Товарищ Дейнега на селекторном совещании, — терпеливо ответила Одесса.

Мы немножко передохнули, пообедали и снова начали звонить. Может быть, товарищ Катушков уже освободился?

— Он на планерке.

— Неужели еще не кончилась?

— Не-ет! Что вы! Давно кончилась. Это уже другое — совещание командиров портов и портовых станций. Потом? Не знаю. У нас только плановых бывает до восьми совещаний в сутки. А проводятся еще и внеплановые.

А позвоним-ка заместителю Дейнеги товарищу Павличенко.

Позвонили. Увы! Этот командир или где-то заседал, или совершал пробежку с одного совещания на другое.

Как нам сообщила Одесса, вечером у них самая горячка. Совещания идут густо, одно за другим. Стало быть, никого не найдешь. И правда, сколько мы ни звонили, каждый раз натыкались на совещание или планерку.

Мы не сдавались: проверять так проверять!

— Дайте нам управление Одесско-Кишиневской дороги! Службу движения!

Однако, спохватившись, мы добавили:

— Или любую другую службу. Хоть какую-нибудь. Хоть не очень важную. Мы на всякую согласны.

Нам не дали ни службы движения, ни какой-нибудь другой. Оказывается, мы врзались в дорожное селекторное совещание, третье по счету за эти сутки, и командирам дороги было не до нас.

Вот и все. Так мы и не смогли выяснить, какие меры приняты по нашему фельетону. А ведь, кажется, старались...

Е. Ц.

**Народный художник РСФСР
ЮЛИЙ АБРАМОВИЧ ГАНФ**

(К 70-летию со дня рождения)

Дружеский шарж А. ЦВЕТКОВА

В ГОСТИ

из «Интуриста»

ко добавляет: «Мы вам медведя, вы нам валюту».

На Западе понимают язык бизнеса: небрежным жестом турист-охотник снимает с текущего счета несколько тысяч долларов и велит мажордому уложить винчестеры в дорожные чехлы. Сибирский медведь недорого продает свою шкуру — за три-четыре тысячи долларов наличными, как отдать.

...Встреча маркиза Лючано, главы всемирно известной винодельческой фирмы, с медведем — жителем приречных лесов, состоялась, если говорить хоккеем языком, из шести периодов. Пять периодов закончились ничью. Егеря нестройным исполнением современных эстрадных и старинных народных песен выманывали медведя из берлоги, а маркиз аккуратно мазал. То ли винодел волновался, то ли сказался предварительный сеанс сравнительной дегустации фирменных и местных напитков — непонятно. Тогда, сменив песни на оглоблю, егеря вытолкали медведя в шестой раз. Маркиз снова дал маху, а медведь рухнул на снег в предынфарктном состоянии...

5. КАК НАРВАЛСЯ КУКСИК

Интуристовская «индустрия впечатлений» охватывает почти всю нашу страну. Вы живете в стране. Следовательно, вы тоже работник «индустрии впечатлений». Так подсказывает формальная логика, и, между про-

чим, правильно подсказывает. А посему, граждане, выходя на улицу, помните, что глазами туриста на вас смотрит мир!

Надо сказать, что подавляющее большинство туристов высокого мнения о советском человеке. Некоторые наши гости искренне огорчаются, когда видят исключения из правил, и даже не пнушаются вправить мозги исключению. Жертвой этой неприятной операции недавно стал лоботряс по кличке Куксик.

Прочесывая район между «Националем» и «Метрополем», Куксик наметанным глазом определил американца и пошел на стыковку. Американец же был не кто иной, как психиатр с мировым именем — Исидор Зифферштейн (единственное подлинное имя в нашем фельетоне). Лоботряса Куксика заинтересовали брюки из США, а Зифферштейна — психика лоботряса. Ученый пригласил прилипалу в кафе и за рюмкой коньяка провел классический сеанс психоанализа.

— В чем вы находите главное удовлетворение в жизни? — спросил врач.

— Видите, — томно молвил Куксик, — на мне все заграничное — и носки, и рубашка, и штаны. Когда я беседую с туристами, я чувствую себя среди своих. А здесь мне все чужое.

— Молодой человек, вам срочно надо лечиться, — сказал известный ученый, — вы психически больны. Если человек отрывается от своего на-

рода — это патология. Поверьте мне как психиатру.

Куксик поперхнулся коньяком... Прилипали, стилиаги и фарцовщики, будьте бдительны! Опасность грозит вам с самой неожиданной стороны.

6. В ПРОГНОЗЕ — САМУМ

Вот простенькая задачка для любителей арифметики.

Дано: 14 миллионов иностранных туристов подарили в прошлом году приходной части итальянского бюджета 900 миллионов долларов. В задаче спрашивается (у «Интуриста»): сколько дали нашему бюджету 1750 тысяч туристов, посетивших СССР в прошлом году?

— Маловато дали, — отвечает «Интурист». — Не сравнить с Италией.

Дело в том, что у нас есть кого принимать: желающих познакомиться с Советской страной все больше и больше. Есть кому принимать — мы можем подготовить любое количество гидов. А уж в том, что показать, наша страна не имеет себе равных. Но — негде размещать миллионы иностранных гостей. Наша индустрия гостеприимства пока еще страдает острой гостиничной недостаточностью. Помочь избавиться от этой болезни роста должны строители.

Да, строителям придется поднажать. Тем более что прогноз на завтра — ветер странствий, переходящий в туристический самум. В 70-м году, по подсчетам ООН, уже 300 миллионов добровольных путешественников с развешивающимися фалдами, размахивая путеводителями, зонтиками и фотокамерами, ринутся в заграничные круизы и вояжи.

Добро пожаловать, гости!

М. ВИЛЕНСКИЙ

КРОКОДИЛ

№ 18 (1884)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК СЕДЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

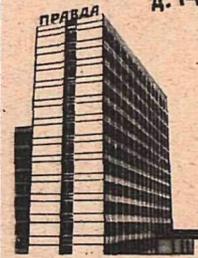

**журнал
выходит
три раза
в месяц**

Темы рисунков этого номера придумали:
М. Вайсборд, А. Грунин,
В. Жаринов, А. Крылов,
И. Норинский, Н. Станиславский, Ю. Степанов.

НАШ АДРЕС:

МОСКВА А-15
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД
Д.14

ТЕЛЕФОНЫ:

5 0-10-86
5 3-34-37

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

Редакционная коллегия:

А. Н. ВАСИЛЬЕВ
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
[ответственный секретарь]

Б. А. ЕГОРОВ
[зам. главного редактора]

Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМЯКОНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Е. А. ШУКАЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00121.
Подписано к печати
18/VI 1968 г.
Формат бумаги 70×108.
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 4 800 000 экз.
(1 завод: 1—4 036 700).
Изд. № 771.
Заказ № 1673.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

28 июля 1968

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
КОНТРОЛЬ. ЭКЗЕМПЛЯР
1968 год

ОПАСНЫЙ ТРЮК ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ СОЦИАЛДЕМОКРАТОВ